

“Сны Сталкера” никто не увидит?

Евгений Цымбал об Александре Кайдановском и о фильме, ему посвященном

Режиссер Евгений Цымбал учился на одном курсе в Институте кинематографии с Александром Кайдановским. Они были друзьями, вместе работали на “Сталкере” у Андрея Тарковского. А в память о замечательном актере, самобытном режиссере и просто неординарном человеке Евгений Цымбал снял свой новый фильм “Сны Сталкера”. Картина пока не загорелась ни на одной фестивальной орбите, и массовому зрителю недоступна.

Про Александра Кайдановского в театре

После театрального училища Сашу распределили в театр, там ему дали реплики за сценой. Он спросил: “А где роль?” Ему ответили: “А чтобы получить роль, молодой человек, вам еще надо учиться, учиться и учиться...” “Да, учиться. Вам всем у меня!” — ответил Кайдановский, повернулся и ушел, и никогда больше его нога не ступала в этот театр. Саше Кайдановскому повезло, он в 22 года сыграл Гамлета. Тогда же Пырьев попробовал его на Алешу Карамазова, Кулиджанов — на Раскольникова. Для Хлудова он оказался слишком молод.

У Саши очень развито было чувство собственного достоинства. Он не мог существовать в театре, ему было скучно. В то время как большинство его однокурсников ставили пьесы Софронова, в лучшем случае Розова или Шукшина, он ставил Шекспира, Булгакова. У него был спектакль “Как в ненастные дни”, основу которого составляла переписка Пушкина с Бенкендорфом. Пушкина играл Лановой, а Бенкендорфа — Кайдановский. У Саши был очень прихотливо-подвижный ум. Он не любил театр, потому что театральная мера условности была слишком высока для него, не любил фальшь и наигрыш, актерство в жизни. Если в компании Саша встречался с человеком неискренним, он старался спровоцировать обострение отношений, что заканчивалось побоями. У него почти не было друзей среди актеров, были знакомые, но он со многими не ладил. Дружил с академиками, профессорами в области генетики, психологии. Саша был самодостаточным человеком. Те, кто считался его товарищами, нуждались в нем больше. Это был человек с мощным характером, слишком высоким, для своего времени, уровнем внутренней свободы.

Про Александра Кайдановского в кино

Был случай, когда режиссер пытался вложить в его уста то, чего он не говорил, некие реверансы в адрес властей. После этого Кайдановский избил этого режиссера.

Он жил в своем мире. Съемки для него были, скорее, приключением, нежели средством самоутверждения. “Сталкер” сделал его звездой мирового класса, но сыграл для него катастрофическую роль — задержал в профессии, которую Саша уже не любил, пережил и которая была ему уже неинтересна. Он понимал, что второй раз такой роли не будет. Кайдановский очень сложно относился к “Сталкеру”. Любил, потому что это его лучшая роль. Ненавидел, потому что Тарковский вытащил из него то, чего он в себе, может быть, стеснялся и уж точно не хотел показывать на

публике: незащищенность, ранимость.

Кайдановский снимался до 87-го года, все роли были ниже “Сталкера” по уровню. Единственный фильм, который он очень любил, — “Жизнь Бетховена”. Там Саша сыграл секретаря Бетховена. Вообще он ненавидел актерскую профессию и хотел быть режиссером. С 87-го по 93-й год Кайдановский вообще не снимался. А снова стал играть, чтобы заработать деньги на свои фильмы.

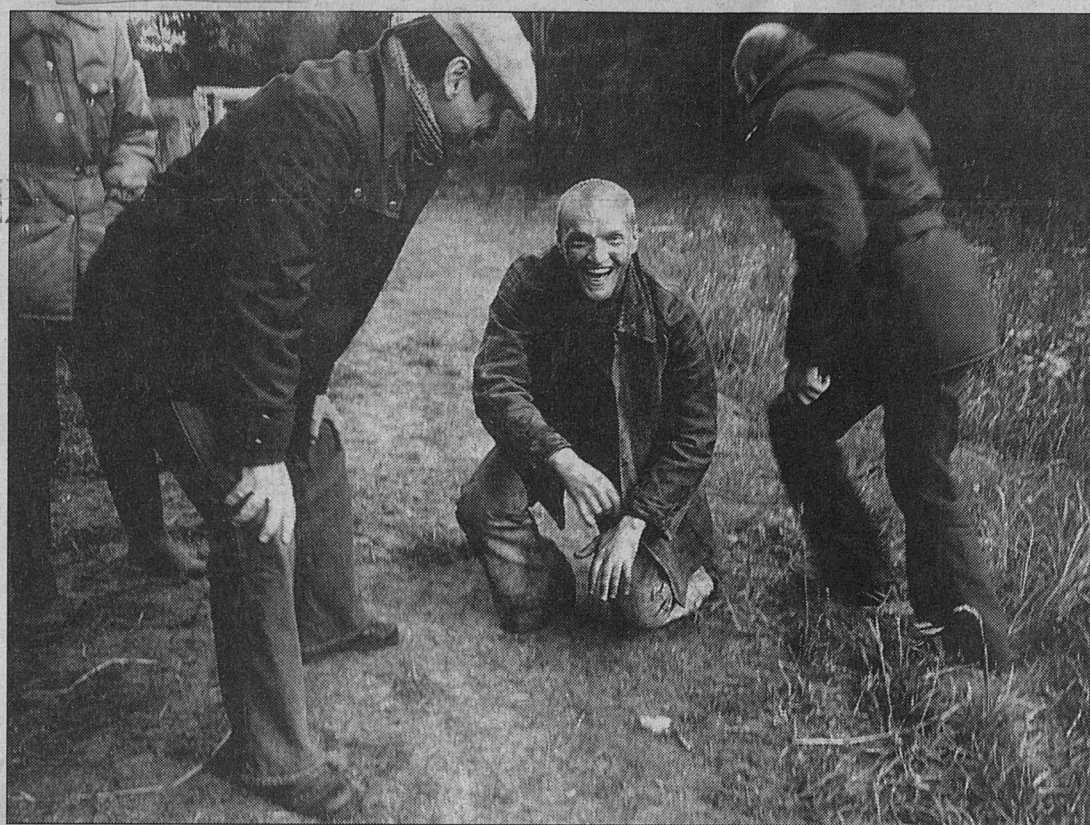
Саша снялся в Испании в картине о раннем средневековье “Дыхание дьявола”, сыграл глухонемого. Он привез деньги и начал снимать на “Мосфильме” свое кино. Через несколько недель у него эти деньги украли. Около 100 тысяч долларов загадочно исчезли.

И это стало причиной первого его инфаркта. Через три месяца, в день выписки из кардиологического центра, был второй инфаркт. А третьего инфаркта он ждал. Его отец умер в 49 лет от третьего инфаркта, и Саша Кайдановский умер в 49 лет от третьего инфаркта. У него были особые отношения со смертью. Я думаю, что он знал отмеренный ему срок. Практически в каждом фильме, в котором он играл, или его убивали, или он высказывался о смерти. Он писал еще замечательные песни, сочинял музыку на стихи Гумилева, Мандельштама, Тарковского, Саши Черного, Бунина. Все стихи так или иначе связаны со смертью. Одна из первых его песен, написанная в 18-19 лет, была на стихи Гумилева “Завещание”.

Кайдановский жил не так, как живет большинство людей, — в растительно-автоматическом режиме. Он любил найти наиболее трудный и парадоксальный путь. Саша мог быть так же благополучен, как Янковский или Абдулов, но он был другим человеком.

Я думаю, Кайдановский никогда не ставил перед собой задачу, чтобы его фильм посмотрело как можно больше народа. У искусства одна цель, как говорит Писатель в “Сталкере”, — создавать образы абсолютной истины. Что такое абсолютная истина? Никто не знает, поскольку это вещь идеальная и непостижимая. Я думаю, Кайдановский стремился создать нечто, что служило бы образами абсолютной истины, хотя бы как-то приближалось к ней. Саша хотел, чтобы его смотрели люди, которые ставят перед собой вечные вопросы. В фильме “Простая смерть” по “Смерти Ивана Ильича” Толстого есть реплика: “Если нет цели, то и нас быть не должно, а раз нет цели, то зачем нам быть?”

Саша не думал о массовом зрителе, потому что людей, похожих на него по стилю мышления, не так много. Он обладал фантастичным мышлением не в научном смысле, а в смысле хорошо, неожиданно, прихотливо, изощренно работающей фантазии. У него был саркастичный, злой, иногда циничный юмор. Он открывал совершенно новый путь в нашем кино. Не

Вверху: А. Тарковский, А. Кайдановский и А. Солоницын. Внизу: А. Кайдановский

так много картин подобного рода. Можно вспомнить “Андалузского пса”, “Золотой век” Бунюэля, “Смерть поэта, или Орфей” Жана Кокто. Критики иногда называют этот жанр “магическим реализмом”. В фильме “Жена керосинщика” флейтист, не прерывая игры, сгорает, превращается в кучку пепла на глазах у оркестра и слушателей консерватории. Это метафора нашей жизни: что с нами ни делай, мы уже ничему не удивляемся. А когда раздувается физиономия у человека, ты ждешь, что она лопнет и тебя обдаст из телевизора всем содержимым этой надутой головы. Я всякий раз боюсь, когда смотрю эту сцену. Задача искусства, как говорил Набоков,

только одна — потрясать. Если удалось потрясти, то цель достигнута, потрясения заставляют человека пережить некое чувство и, может быть, пробуждают мыслительные усилия.

В “Жене керосинщика” есть один эпизод: следователь приходит домой и приносит шуку. Шука лезет в воду, открывает и закрывает рот; он смотрит, смотрит, потом засовывает ей в пасть палец, в который немедленно шука впивается. Следователь машет этой шукой, она, наконец, слетает. Палец весь в крови, и следователь заматывает его тряпкой. Вот это желание сунуть палец в зубастую пасть всегда присутствовало в Саше Кайдановском.

Про себя и свой фильм

Мы с Кайдановским учились на одном курсе, работали на “Сталкере”, делали первые фильмы, имевшие успех, получили призы на международных фестивалях. Не знаю, правда ли говорят, что был такой эпизод: Саша лежал в больнице вместе с Леонидом Филатовым, и они договорились, что, если кто-то из них умрет, другой сделает о нем фильм. Филатов был тогда полупарализован после инсульта и он спросил: “А если я физически не смогу сделать фильм?” Саша ответил: “Ну тогда попроси Цымбала, пусть он сделает”.

Мы были хорошо знакомы, он был человеком, близким мне по внутренней сути. Я снял передачу “Чтобы помнили”, фильм “Сны Сталкера”, сейчас делаю книжку воспоминаний о Саше Кайдановском и хочу еще выпустить компакт-диск, где будут его песни и, может быть, стихи, которые он читал: Кольридж, Китс, Тарковский, Некрасов. Планы грандиозные, и их количество обратно пропорционально количеству денег.

Я не знаю, какова будет судьба фильма. Мы должны были поехать в Марсель на телерынок, но из-за того, что у продюсеров деньги заблокированы, нам это сделать не удалось. Фильм не попал на фестивали в Екатеринбург и в Алма-Ату. Может быть, “Сны Сталкера” никто никогда не увидит.

Я совершенно спокойно отношусь к такой перспективе. Я очень хотел стать режиссером и довольно трудно, чтобы не сказать мучительно, шел к этой профессии: в 36 лет окончил высшие режиссерские курсы, в 38 снял первую картину и за первые два фильма был вознагражден свыше ожиданий. У меня десять призов международных фестивалей, приз Британской академии, а в России ни одного. Честолюбие уже удовлетворено, хочется просто работать, существовать в профессии.

Записала
Мария КУЗЬМИНА

Кузьмина. — 1998. — 15 — 21 окт. — с. 77